

В. НОВИКОВ, кандидат
филологических наук

Масоны в Московском университете

Российское масонство XVIII – начала XIX вв. до сих пор представляется не до конца раскрытой тайной истории. Что поставило в один ряд блистательного «бриллиантового» князя Куракина и помещика средней руки литератора Новикова? Фельдмаршала Кутузова и художника Левицкого? Великого Князя Константина Павловича и «дядю-поэта» В.А. Пушкина? Все это люди, принадлежавшие различным социальным сферам. Одни находились на вершине власти, другие, подобно Новикову, были низвергнуты этой же властью в казематы.

По-видимому, ближе всего к истине подошел Н.А. Бердяев. По его мнению, российское масонство было ответом общества на самодержавно-полицейское государство, созданное Петром I. Философ полагал, что «масонство было первой свободной самоорганизацией общества в России» [1]. Правительство смотрело на масонов недоверчиво, подозревая их в политическом свободомыслии, но эти опасения были явно преувеличенными. Масоны были христианскими мистиками, а их идеологические интересы сосредоточивались скорее на просвещении, филантропии, книгоиздании, медицине. Однако именно в этой среде в России впервые проявился бунт личности против деспотии государства.

Историк русской философии В.В. Зеньковский справедливо отмечал: «В русском масонстве формировались все

основные черты будущей «передовой» интеллигенции – на первом плане стоял примат морали и сознание долга служить обществу, вообще практический идеализм» [2].

«Вольные каменщики» обиходили первые ростки российской науки. Московский университет – родное детище этой стремящейся «обрести свет» эпохи. Основателями его были просвещенный вельможа *Иван Иванович Шувалов* и великий ученый *Михаил Васильевич Ломоносов*. Первый волею судьбы оказался фаворитом любвеобильной императрицы Елизаветы Петровны; однако роль временщика его заметно тяготила; он охотно принес ее в жертву врожденной страсти к знаниям. Современники полагали блестящего, образованного царедворца «главным над масонами» (об этом пишет в своих «Записках» Г.Р. Державин). Правда, документальных подтверждений сказанному пока не находится.

Как государственный деятель Шувалов не проявил больших дарований: он не обладал ни политическим чутьем, ни энергией. Но в ипостаси просвещенного вельможи он был известен всей Европе. Дидро, Гельвеций, Вольтер не раз с глубоким уважением отзывались о российском сановнике. Первый куратор Московского университета справедливо полагал, что если его имя будет известно потомству, то только благодаря Московскому университету. Иван Иванович приурочил указ об от-

крытии Московского университета специально к именинам своей матери (отсюда знаменитый Татьянин день), желая посвятить ей лучший плод своей жизни. Правда, посетить стены Московского университета он удосужился всего лишь раз – в 1778 году, спустя двадцать три года после открытия, но бессменным его куратором оставался вплоть до своей смерти в 1797 году.

Начиная с И.И. Шувалова, масоны в течение полувека стояли у кормила Московского университета. Уже в 1757 году его директором (управляющим внутренними делами) был назначен *Иван Иванович Мелиссино*. Через сто лет С.П. Шевырев писал, что для Москвы это имя принадлежит к числу «достопамятных и драгоценных» [3, с.29].

Один из его питомцев профессор Харьковского университета И.Ф. Тимковский так вспоминает о своем наставнике: «Он был добр и любил науки. В собраниях, раздавая шпаги, дипломы, награды или когда мы приходили к нему поздравительным обществом, он свое приветствие заключал всегда латинскою сентенциею. Как помню одну: *«Qui proficit in litteris et deficit in moribus, plus deficit quam proficit»* (Кто богатеет в науках и скудеет в нравственности, тот больше скудеет, чем богатеет); и другую: *«Vis consilii expert mole ruit sua»* (Сила без разума гибнет от собственной тяжести)» [4].

Московский университет к середине 1770-х гг. – это большое хозяйство. Помимо трех факультетов, при университете было две гимназии (одна в Москве, другая в Казани), общедоступная библиотека, типография, книжная лавка и другие подобные учреждения. Для успешного управления всем перечисленным требовались люди, соединявшие в себе как умелых администраторов, так и искренних поборников просвещения. Такие личности могла выдвинуть только богатая духовными за-

просами среда. «Вольные каменщики», объединенные исканием «внутреннего света» во имя подлинно христианского жизнеустройства, были именно этой средой.

Наступил «золотой век» российско-го масонства. Одним из главных работников на ниве просвещения стал *Николай Иванович Новиков*, сменивший журналистику на труды книгоиздателя и неутомимого филантропа, объединивший вокруг себя немногочисленную, но одушевленную жаждой деятельности группу людей. В исторической литературе они получили наименование «московских розенкрейцеров».

Н.И. Новиков сформулировал и цель исканий «вольных каменщиков»: «истинное масонство в том просвещении, к которому можно придти, идя по стезям христианского мироучения» [5]. Достижения наук должны способствовать человеческому благу; но это возможно только тогда, когда человек надлежащим образом устроит свою душу. Следовательно, воспитатель должен пестовать как «пытливый ум», так и «добрые нравы». Просвещение и нравственность – нечто единое: таковы педагогические принципы, явившиеся исходным основанием трудов крупнейших деятелей Московского университета того времени.

По словам В.О. Ключевского, «новиковское десятилетие – одна из лучших эпох... в истории Московского университета» [6, с.389]. О состоянии университета в эту пору он пишет: «Университет еще не успел докончить своего обзаведения: были аудитории и кафедры, профессора и студенты, были обстановка и личный состав науки, но сама наука с трудом пробивалась сквозь то и другое, не успела еще обжиться на новоселье. Число студентов в иные годы не доходило и до сотни; иногда на всем юридическом, как и на всем медицинском факультете, ос-

тавалось по одному студенту и по одному профессору, который читал все науки своего факультета; студенты занимались в университете не более 100 дней в году; родной речи почти не слышно было с кафедр; люди хорошего общества еще побаивались пускать в университет своих сыновей; благовоспитанность не всегда примечалась и порой как будто даже совсем отсутствовала» [Там же].

Новиков всецело отдался издательской деятельности и филантропии. Университетские дела сосредоточились в руках *Михаила Матвеевича Хераскова* — знаменитого поэта, который в 1778 г. стал одним из четырех кураторов Московского университета и до 1782 г. фактически единолично управлял им и подведомственными учреждениями. Именно он предложил Новикову взять в аренду университетскую типографию и книжную лавку, что открыло энергичному труженику широкое поле деятельности. Ключевский разъясняет программу этого деятеля следующим образом: «Арендуя у Московского университета типографию и книжную лавку, Новиков имел в виду прежде всего потребности домашнего и школьного образования. Он старался, во-первых, составить достаточно обильный и легко доступный запас полезного и занимательного чтения для обширного круга читателей, во-вторых, войти в общение с университетом, чтобы воспользоваться его силами и средствами для приготовления надежных учителей. Расстроенную университетскую типографию он вскоре привел в образцовый порядок и менее чем в 3 года напечатал в ней больше книг, нежели вышло из нее за 24 года ее существования до поступления в руки Новикова. Он издавал книги довольно разнообразного содержания, особенно заботясь о печатании книг духовно-нравственных и учебных; в числе 366

книг, отпечатанных им до конца 1785 г., менее чем в 7 лет аренды, насчитываем около сотни изданий первого рода и более 30 учебников, разноязычных букварей, словарей, грамматик и т.п.» [6, с.386].

Повсеместную поддержку Новиков нашел у «московских розенкрейцеров», образовавших в октябре 1782 года «Дружеское ученое общество». На его средства при Московском университете были созданы педагогическая (учительская) и филологическая (переводческая) семинарии; все студенты получали стипендии.

Иоган-Георг (Иван Георгиевич) Шварц открывает список русских ученых-профессоров Московского университета, прославившихся не только на научной, но и на общественной стезе. Его ближайшими последователями были Мерзляков, Грановский, Шевырев. Эти знаменитые ученые с большим успехом читали публичные лекции, собиравшие «всю Москву».

Расцвет деятельности Шварца падает на 1782 г. (умер он скоропостижно 17 февраля 1784 г. в подмосковной усадьбе князя Н.И. Трубецкого, где и похоронен). В этом году он прочел в Московском университете курс «эстетической критики». Вынужденный покинуть его стены из-за противоречий с Мелиссино (опасавшегося его все возрастающего влияния), он перенес занятия к себе на дом и прочел еще два курса: «О трех познаниях» и «Философской истории» — для более узкой и духовно более близкой аудитории. Получив свободу, Иван Георгиевич с еще большей энергией отдался «общественному служению» и стал в культурной Москве значительнейшей фигурой, потеснив на время даже Новикова.

В курсе «Эстетической критики» Шварц излагал теории древних (Аристотель, Цицерон, Гораций, Квинтиллиан) и новейших (Буало, Баумгартен) фи-

лософов и поэтов. Многие из этих имен впервые прозвучали в стенах Московского университета. Свои слова он иллюстрировал многочисленными примерами из европейской культуры, одновременно сравнивая произведения литературы с живописью, скульптурой, архитектурой и сопровождая анализ общими рассуждениями о границах познания, о возможностях человеческого ума. Один из его слушателей вспоминает, что И.Г. Шварц «показал нам отношение чудес одной науки к другой, вперил в нас то под иероглифами, то на яснейших своих опытах, сколь удивительна связь материи и духовности, какой нерушимый узел между Богом и человеком и какие мы и вся природа имеем пределы и ограничения» [7].

Курсы, прочитанные на дому, посвящены более отвлеченной проблематике. Не вдаваясь в тонкости философских и мистических исканий, следует подчеркнуть, что Шварц впервые в России прививал своим студентам цельное мировоззрение, что стало началом формирования духовного облика русской интеллигенции.

Особой его заслугой В.О. Ключевский считает создание «Собрания университетских питомцев», первое заседание которого произошло 13 марта 1781 г. Он пишет: «Это студенческое общество имело целью образование ума и вкуса своих членов, их нравственное усовершенствование, упражнение в человеколюбивых подвигах. Студенты на заседаниях читали и обсуждали свои литературные опыты, произносили речи на моральные темы, задумывали издания с благотворительною целью. Все это, конечно, было молодо, суетливо, немножко нервно; молодежь больше чувствовала, чем познавала науку. Но по-тогдашнему и это разве было мало? В штатных лампах науки, прежде больше декорировавших, чем освещавших университетские стены,

что-то затеплилось: дайте срок — они разгорятся. Среди студентов стали зарождаться нравственная товарищеская солидарность, склонность к размышлению, некоторый навык самонаблюдения и та способность загораться от идей, которая, как фонарь впотьмах, предшествует исканию истины. Трудно проследить поприща, по которым рассыпались питомцы «Дружеского общества», как трудно уследить, куда попадали книги, которые оно рассеивало. Известно, что оно дало Московскому университету одного директора (т.е. ректора) и пять профессоров» [6, с. 390–391].

В этот же период значительно расширяется круг подведомственных Московскому университету учреждений. В 1779 году благодаря стараниям Хераскова открывается Благородный пансион, из которого в будущем вышли многие выдающиеся представители русской культуры. Преподавательские кадры призвана была поставлять учрежденная в том же году на средства «Дружеского ученого общества» педагогическая (учительская) семинария.

Особо следует отметить период 1796–1802 гг., когда директором Московского университета стал *Иван Петрович Тургенев* (отец знаменитых в российской истории братьев Тургеневых). Он был одним из «московских розенрейцеров» и энергичным участником всех их предприятий. Деятельностью Тургенева фактически завершается эпоха становления Московского университета, которому уже исполнилось полвека. Это было время патриархальности, быстро вошедшее в легенду. Наставники и студенты являли собой редкий по спаянности союз. Один из университетских питомцев Ф.П. Лубяновский вспоминает: «Во все время, что я пробыл в университете, постоянно думал о том, не потерять бы мне времени без полезного приобретения. Грешно

было бы, впрочем, и не занять много ли, мало ли от таких профессоров... Если позволено сослаться на пословицу — из кожи лезли, чтобы все то, что сами приобрели неутомимым трудом, передать нам с логической ясностью, в систематическом порядке, с обдуманым суждением» [8].

Профессура Московского университета была выпестована «Дружеским ученым обществом». Правда, университетские предания полны и рассказами о профессорских чудачествах, объясняемых не только погруженностью в науки, но и приверженностью к «национальному пороку». Первый ректор университета почтенный профессор Х.А. Чеботарев имел обыкновение после обильного и с возлияниями обеда обходить студенческие комнаты. Он шествовал в длинном сюртуке, спальных сафьяновых сапогах, на голове треугольная шляпа с плюмажем, в руках массивная, тяжелая трость. Фигура комическая. Однако, как вспоминает эти моменты своих студенческих лет известный коллекционер древностей И.М. Снегирев: «Никто <...> не смел улыбнуться, а тем паче засмеяться и зашикать. Так уважали его» [9, с.344]. Такова была студенческая аудитория, обычно придирчивая и склонная не прощать, а выпячивать и во много раз преувеличивать недостатки своих менторов.

Кто же из профессоров этого периода был носителем «мартинистского духа»? Приведем краткую справку (данные из словаря русских масонов Т.А. Бакуниной) [10]:

Гаврилов Матвей Гаврилович (1759–1828) — профессор по кафедрам древнеславянской литературы и языков, теории архитектуры и изящных искусств. С 1816 г. декан филологического факультета. Член лож «Озирис» (1780), «Сфинкс» (1786) и «Александра к тройственному спасению».

Гейм Иван Андреевич (1758–1821) — профессор всеобщей истории, статистики, географии; литератор. Широко известность приобрел не столько научными трудами в области статистики, сколько русско-немецко-французским словарем, выдержавшим множество изданий. В 1808–1818 гг. — ректор Московского университета. Член ложи «Александра к благотворительности коронованного пеликана».

Кистер Федор Иванович (1772–1849) — профессор немецкого языка и литературы. Член ложи «Александра к тройственному спасению».

Маттеи Христиан-Фридрих (1744–1811) — профессор греческой и римской литературы. В России с 1772 г. По Высочайшему повелению исследовал греческие рукописи Синодальной библиотеки. Опубликовал большое количество рукописей античных и раннехристианских авторов. Выпустил каталог Синодальной библиотеки. Деньги на перечисленные издания были даны Г.А. Потемкиным, И.И. Шуваловым и графом Ф.А. Остерманом. Издал в Москве на греческом языке «Новый Завет» (1782–1786). Мастер стула ложи «Дружбы» (1777) и «Трех мечей» (1779).

Прокопович-Антонский Антон Антонович (1762–1848) — профессор естественной истории, сельского хозяйства и минералогии. Воспитанник «Дружеского ученого общества». В 1807–17 гг. вице-ректор, в 1818–21 гг. ректор Московского университета. Член многих ученых обществ. Член ложи «Гермеса» в 1783–85 гг. Ученик розенкрейцеров.

Сохацкий Павел Афанасьевич (1766–1809) — профессор философии. Литератор. Член «Дружеского ученого общества».

Страхов Петр Иванович (1757–1813) — профессор опытной физики. Литератор, переводчик. Член «Дружеского ученого общества». В универ-

ситетской среде приобрел славу замечательного лектора. Выпустил фундаментальный для того времени учебник физики. И.М. Снегирев в своих воспоминаниях рисует его яркий портрет: «Редко увидишь такого человека – статного без принуждения, величавого без напыщенности, красивого без притязательности, вежливого без манерности. Сам вид его внушал уважение» [9, с.345]. В 1805–07 гг. ректор Московского университета. Мастер стула ложи «Гермеса» в 1780 г.

Тимковский Роман Федорович (1785–1820) — профессор кафедры греческой и римской литературы. Собрал большую библиотеку и коллекцию рукописей. Завещал ее университету.

Чеботарев Харитон Андреевич (1746–1815) — профессор истории и красноречия. С 1775 г. библиотекарь и одновременно издатель газеты «Московские ведомости». Член «Дружеского ученого общества». Президент «Общества истории и древностей российских». По поручению Екатерины II составил выписки из русских летописей. Автор первого руководства по географии России. После преобразования университетского устава в 1803 г. избран первым ректором Московского университета. Во время пожара Москвы 1812 г. потерял всю свою библиотеку и архив и вследствие сильного потрясения был разбит параличом. Посвящен в ложе «Равенство». 2-й, затем 1-й надзиратель в ложе «Трех знамен». Мастер стула ложи «Сфинкса» в Москве. Принимал участие в работах ложи «Умиравший сфинкс».

Шнейдер Яков (1747–1848) — профессор гражданского и римского права. Составил и прочитал курс по Монтескье. Издал свой курс под заглавием «Рассуждение на книгу Монтескье о разуме законов» (1783). Член «Дружеского ученого общества». Член ложи

«Трех знамен» в Москве. Мастер стула ложи «Церера».

«Дней александровых прекрасное начало» открыло новую эпоху в истории Московского университета. Оно совпало с оживлением масонства, практически сошедшего на нет в последние годы правления Екатерины II и при Павле I. Однако возродившееся духовное движение уже растеряло многое из первоначальных импульсов. Постепенно масонство приобретало негласный официальный статус. Мистически настроенный в начале царствования Александр I тайне покровительствовал ордену. Это привело к тому, что принадлежность к «масонскому братству» стала рассматриваться как необходимый залог успешной карьеры. На смену высоколобым идеалистам пришли трезвые прагматики.

Наступление нового столетия для Московского университета ознаменовалось деятельностью трех быстро сменявших один другого попечителей. По характеру они резко не походили друг на друга. Подчас начинания предшественника перечеркивались тем, кто ему наследовал. Их объединяло лишь то, что все они были «вольными каменщиками» и занимали в иерархии ордена далеко не последнее место.

Первый из трех — *Михаил Никитич Муравьев* (отец декабристов Н. и А. Муравьевых)¹. Он был воспитателем великих князей Александра и Константина и преподавал им нравственную философию, русскую словесность и русскую историю. Это был человек редких моральных достоинств. Не склонный давать похвальные характеристики Ф.Ф. Вигель пишет: «Он везде и во всем видел добро и столь же страстно любил его, как и искренно в него веро-

¹ В. Хотеевков. «Друг отечества» (Михаил Никитич Муравьев) // Высшее образование в России. — 2000. — № 4.

вал». Однако тут же подчеркивает: «Муж ученый, кроткий и добросердечный, умный и приятный писатель, один из наставников императора, к сожалению, не довольно пылкий и твердый, чтобы сделаться одним из доверенных его советников» [11, с.109].

У современников М.Н. Муравьев пользовался славой лучшего (после Карамзина) литератора. Как попечитель Московского университета, он разработал детальную программу реформ. Задавшись целью поставить его в один ряд с лучшими университетами Европы, Михаил Никитич приглашает в Москву известных европейских ученых и посылает выпускников за границу для продолжения образования. Продолжив линию своих предшественников, он открывает при Московском университете «Общество истории и древностей российских», «Общество соревнования медицинских и физических наук», «Общество испытателей природы». Подытоживая его деятельность, Шевырев писал: «Общества, основанные Муравьевым, принадлежат уже не к числу тех преждевременных попыток, которых начало и быстрый конец мы видели в прошлом столетии... Посаженное им семя общественно-ученой жизни принесло плоды многочисленные, разрослось прекрасно, живет и действует в наше время» [3, с.350]. Активная работа этих обществ перешагнула и рубеж двадцатого столетия.

К сожалению, деятельность Муравьева продолжалась всего четыре года (1803-1807). Смерть прервала ее. Премниками его были граф *Алексей Кириллович Разумовский* (1807-1810) и *Павел Иванович Голенищев-Кутузов* (1810-1817). Оба не оставили заметно-

го следа в истории Московского университета². Первый – аристократ во втором поколении – был сыном попавшего «из грязи да в князи» последнего гетмана Малороссии К.Г. Разумовского. Уже упомянутый язвительный Вигель писал: «Все сыновья добродушного, ко всем радушного Кирилла Григорьевича были не в меру спесивы и недоступны... Все они воспитаны были за границей, начинены французскою литературой, обличены в иностранные формы и почитали себя русскими Монморанси... Один, Андрей, был известным дипломатом, а двое, Григорий и Алексей, предалися наукам, первый минералогии, последний ботанике... Из познаний своих граф Алексей Разумовский делал то же употребление, что и из богатства: он наслаждался ими один, без малейшего удовольствия, без всякой пользы для других. В подмосковном имении своем Горенках, среди царской роскоши, заперся он один с своими растениями. Тогда все почиталось великою ученостью; от любезных ему теплиц оторвали его, чтобы поручить ему рассадники наук: казалось, право, что русское юношество считали принадлежащим к царству прозябаемых. Еще раз должно сказать, что все эти баричи, при Екатерине и после нее, на французский знатный манер воспитанные, в делах были ни к чему не годны, следственно, с властью и вредны; и к сотням доказательств того принадлежит Разумовский» [11, с.230]. Достаточно сказать, что Разумовского в стенах университета почти не видели. Он предпочитал управлять им из своего имени, вызывая туда профессоров для доклада.

П.И. Голенищев-Кутузов был полной противоположностью Муравьеву. Он принадлежал к числу редких людей, которые буквально ни в ком не встречали сочувствия. Он был из рук вон плохим администратором и столь же

² В. Хотеевков, Л. Иванова. «Из угождения к воле Государя (Алексей Кириллович Разумовский) // Высшее образование в России. – 1997. – № 1.

скверным стихотворцем. Своим постом он в большой степени был обязан известному масону О.А. Поздееву, некогда близкому Новикову, затем его активному оппоненту в среде «вольных каменщиков». Оба – Поздеев и Голенищев-Кутузов – состояли в одной ложе «Нептун».

Настоящей «специальностью» Голенищева-Кутузова были доносы, а основной его жертвой был Карамзин. Один донос, в котором знаменитый писатель и историограф объявлялся «врагом Божиим и орудием тьмы», «проповедником безбожия и безначалия», чьи сочинения полны «якобинического яда», попал на стол Александра I и вызвал гнев царя. Предаваясь своему излюбленному занятию с упорством фанатика, он, конечно, не обошел вниманием и университетских профессоров...

Однако факел просвещения упорно не желал гаснуть. Профессора Московского университета из числа «вольных каменщиков» отнюдь не были повинны в деяниях своего попечителя. Они неоднократно доказывали делом, что они достойные преемники Новикова и Шварца. Большой резонанс вызвали публичные лекции профессора российской словесности *Алексея Федоровича Мерзлякова* (знаменитого и как поэт). Он читал их великим постом 1812 г. в доме князя Б.В. Голицына на Б. Басманной. Имевшие исключительный успех, эти лекции стали одним из замечательных событий культурной жизни России начала нового века.

Особо следует остановиться на *Платоне Петровиче Бекетове*. Это двоюродный брат поэта И.И. Дмитриева, друг детства Карамзина. Став по жене обладателем крупного состояния, он открыл в 1801 г. типографию в Москве и начал издавать известных литераторов: Богдановича, Гнедича, Дмитриева, Жуковского, Карамзина, Радищева,

Хераскова. Его издания были выполнены на самом высоком для того времени полиграфическом уровне; они считались образцовыми. Несмотря на недолгий период деятельности, Бекетов сыграл выдающуюся роль в истории русского просвещения. Современники сравнивали его с Новиковым. Он был избран почетным членом Московского университета. С 1811 г. по 1823 г. он состоял председателем «Общества любителей истории и древностей российских». К сожалению, типография погибла во время пожара Москвы в 1812 г.

Московский университет был одним из центров масонства; в этом не было тайны. Однако далеко не всем нравилось подобное положение. В преддверии наполеоновского нашествия в обществе все чаще давали себя знать антизападные настроения. Их рупором был московский главнокомандующий «сверхпатриот» *Ф.В. Ростопчин*. В глазах Федора Васильевича Московский университет был воплощением «мартинизма», другими словами, пропитан «якобинским духом». Узнав, что во время московского пожара университет сгорел, Ростопчин заявил, что все к лучшему; иначе он сам бы сжег это ядовитое гнездо [12].

В первые десятилетия XIX века подлинного расцвета достиг медицинский факультет. Этим он был обязан прежде всего двум профессорам – Х.И. Лодеру и М.Я. Мудрову.

Нравственные проблемы стояли в центре внимания российских «вольных каменщиков». Нет ничего удивительного в том, что представители самой гуманной профессии – медицины – были широко представлены в ложах. Помня, что «в здоровом теле здоровый дух», они не разделяли врачевание души и врачевание тела. Больничный персонал С.-Петербурга и Москвы почти целиком состоял из масонов. Об этом свидетельствуют подписки, которые бра-

лись с врачами как государственных служащих после закрытия лож в 1822 году (по указу Александра I, диаметрально изменившего свое отношение к «вольным каменщикам»). Подавляющее большинство их подтверждали свое участие «в работах» различных масонских «мастерских».

Христиан Иванович Лодер (1753–1832) прославился как анатом. По старой столице рассказывали анекдот о перебранке знаменитого врача с московским обер-полицмейстером. Карету Лодера, ехавшего на какое-то официальное торжество, остановил обер-полицмейстер. Высунувшись из кареты, Лодер велел кучеру не обращать внимания и ехать дальше, а обер-полицмейстеру резко бросил: «Вас знает только Москва, а меня вся Европа» [13]. Лодер организовал при университете анатомический театр. В 1812 г. он заведовал московскими госпиталями. Как масон он состоял в ложах «Amalia» и «Александра к тройственному спасению», а также был первым надзирателем в ложе «Петра к истине».

Подлинным медицинским светилом был *Матвей Яковлевич Мудров* (1776–1831). Он родился в семье священника Девичьего монастыря в Вологде. Сначала отрок учился в Вологодской семинарии, но, желая избрать гражданское поприще, перешел в Главное народное училище. Свое образование он закончил казенным студентом Московского университета, куда был принят в 1796 г. По окончании Мудров был удостоен двух золотых медалей и в 1801 г. был послан на казенный счет за границу, где проходил практику в клиниках Берлина и Парижа. В 1804 г. молодой ученый прислал в Москву диссертацию, за которую без экзаменов был признан доктором медицины, а в 1805 г. – ординарным профессором. В 1807 г. Матвей Яковлевич вернулся в Россию, а с 1808 г. начал читать лекционные курсы в

Московском университете. На собственные средства он открыл в 1813 г. университетскую клинику, по его проекту были также открыты медицинский и клинический институты на 50 коек и 100 казенных студентов.

М.Я. Мудров первым ввел в медицинскую практику журнал «история болезни» как неотъемлемый источник информации о состоянии пациента. Он считал болезни следствием нарушения естественного жизненного течения из-за «страстей и похотей». Знаменитый медик был известен своей любовью ко всему живому, подчас даже выходящей за пределы разумного: он запрещал ставить в доме мышеловки, ибо «и мыши – творения Божии».

Маститый профессор позволял себе даже фрондировать во имя масонской идеи. Бытует такая «история»: Мудров был женат на воспитаннице знаменитого масона А.Ф. Лабзина (племянника Новикова). За дерзкие слова, понятые как выпад против Александра I, Лабзин был удален с поста секретаря Академии художеств и выслан в собственное имение в Симбирской губернии. При его проезде в ссылку через Москву в Симбирск Матвей Яковлевич дал в его честь торжественный обед. Это имело место уже после указа о закрытии масонских лож, и поступок был воспринят «обществом» как демонстрация.

Среди масонов, связанных с Московским университетом, Мудров, пожалуй, был самой заметной фигурой после Новикова. Он был посвящен в 1802 г. в Риге в ложе «Малого света», посещал ложи в Берлине и Париже. В России Мудров состоял в целом ряде лож: «Умиращий сфинкс», «Александра к тройственному спасению», «Ищущих манны», «Нептун». В 1822 г. организовал специальную медицинскую ложу «Гиппократ», в которой стал мастером стула.

Заккрытие масонских лож означало прекращение деятельности «вольных каменщиков»: университетская профессура принадлежала к законопослушной части общества. Выполнив свою историческую задачу, российское масонство отошло в прошлое. Однако брошенные им в землю семена давали всходы еще на протяжении многих десятилетий.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. – М., 1990. – С.57.
 2. Зеньковский В.В. История русской философии. – Т.1. Ч.1. – Л., 1991. – С.108.
 3. Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. – М., 1855.
 4. Тимковский И.Ф. Записки // Московский университет в воспоминаниях современников. – М., 1989. – С.40.
 5. Цит. по: Тукалевский В.Н., Новиков Н.И. и Шварц И.Г. // Масонство в его прошлом и настоящем. – Т.1. – М., 1991. – С.183.
 6. Ключевский В.О. Воспоминание о Н.И. Новикове и его времени // Ключевский В.О. Исторические портреты. – М., 1990.
 7. Цит. по: Пытин А.Н. Русское масонство XVIII и первой половины XIX веков. – Пг., 1916. – С.157.
 8. Аубяновский Ф.П. Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. – М., 1989. – С. 45.
 9. Снегирев И.М. Воспоминания // Русский архив. – 1866.
 10. Vakounine T.A. Le repertoire biographique des franc-masons russes (XVIII–XIX siecles). Serie Slave, 2. Bruxelles, 1940.
 11. Вигель Ф.Ф. Записки. – М., 2000.
 12. Андреев А.Ю. 1812 год в истории Московского университета. – М., 1998. – С. 80.
 13. Пирогов Н.Н. Из жизни московского студенчества 20-х годов XIX века // Московский университет в воспоминаниях современников. – М., 1989. – С.85.
-
-